

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ВЕЖЛИВОСТЬ И АНТИВЕЖЛИВОСТЬ

УДК 81`27:299.572

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ И ПРОДВИЖЕНИЯ НЕОЯЗЫЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (на примере родноверия)

Н. А. Пробст

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 17.03.2024 г.

Принята к публикации 25.05.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4

Роль речевой агрессии в контексте продвижения определенной ценностно-регулятивной системы (особенно религиозного характера) в современной научной литературе не получила широкого освещения. Цель представленного исследования – рассмотреть механизмы продуцирования и средства реализации речевой агрессии как способа трансляции и защиты родноверческой идеологии в русскоязычном сегменте Интернета. Поставленная цель определяет комплексную методiku данного научного исследования, включающую функционально-семантический и прагматический методы. В результате исследования определены мотивы и условия применения речевой агрессии в сетевом дискурсе, рассмотрены основные эксплицирующие ее речевые акты (акты оскорбления, грубого требования, упрёка, обвинения, насмешки, негативной оценки, зложелания), сделаны предположения об их роли и частотности в контексте рассматриваемого вопроса. Также обоснован вывод о составе и характере основных целей агрессивного речеповедения представителей родноверия.

Ключевые слова: речевая агрессия, конфликтная коммуникация, речевой акт, дискредитация, модель идентичности, родноверие

Введение

Проблема речевой агрессии (далее – РА), ее места в национальном языковом сознании находится в фокусе пристального внимания современных лингвистов (см., напр.: Седов, 2005; Щербинина 2008; Ашуркова, 2009; Трофимова, Барабаш, 2020). При этом одним из весьма интересных, сложных и, по нашим наблюдениям, малоизученных вопросов является использование средств РА в контексте массмедийного продвижения модели идентичности (квази)религиозных сообществ, влия-

ющих на формирование современного российского общественного сознания. Весьма репрезентативен в этом плане конгломерат разнородных по форме и составу групп славяноориентированных неоязычников, объединенных общим названием *родноверы*.

Комплекс идеологических установок родноверческого движения (при всей его неоднородности) централизуется вокруг идеи сопротивления иностранному культурному влиянию, предполагающей противодействие как внешним глобализационным процессам, так и распространяемым в нашей стране «неславянским» по своему генезису традициям и ценностям. При этом в силу слабости и откровенно популистской направленности своего историко-культурного и религиозно-философского базиса родноверие встречает активное неприятие со стороны актантов других отечественных ценностно-регулятивных систем. Все это инициирует масштабную и разнообразную по форме борьбу родноверов с их многочисленными противниками в различных областях публичного дискурса, в том числе в пространстве интернет-коммуникации. Эта борьба характеризуется высокой интенсивностью и агрессивностью, что находит отражение в реализации ее участниками (и в первую очередь самими родноверами) широкого диапазона средств РА. При этом мотивационная специфика, прагмакоммуникативные и психолингвистические механизмы данного процесса, его роль в масскультурном продвижении соответствующей модели идентичности в современной научной литературе, насколько мы можем судить, освещены недостаточно. В контексте изучения данных вопросов значительный исследовательский потенциал имеет область интернет-комментирования, предоставляющая коммуникантам широкие возможности для самореализации и дискуссии.

Таким образом, цель настоящей статьи — рассмотрение вопроса о прагмасемантических и коммуникативных особенностях агрессивной модели речеповедения апологетов родноверия в сетевом дискурсе в контексте попытки формирования новой историко-культурной реальности.

Материал и методы исследования

Выбор материала обусловлен следующими факторами. Интернет-комментарий (далее — ИК) — это один из новейших публицистических жанров, возникновение которого напрямую связано с развитием современной интернет-среды (см., напр.: Стеклова, 2013; Абдуллина, 2016 и др.). К его достоинствам относят сравнительно небольшой текстовый объем, оперативность создания, массовость (автором ИК в большинстве случаев может стать любой потребитель определенного медиаконтента вне зависимости от возраста, пола, профессии и т.д.), близость разговорной речи. Все это определяет привлекательность коммуникативного поля интернет-комментирования как площадки для репрезентации различных социальных групп, что особенно показательно при анализе соответствующих текстов в русле прагмасемантики.

В рамках настоящего исследования методом сплошной выборки мы отобрали 102 родноверческих ИК, отражающих агрессивную манеру речеповедения их авторов. Выборка производилась на основе изучения веток комментариев, размещенных к медиаматериалам (видеороликам, постам и статьям исторического, культурного, религиозного содержания, представляющим интерес для сторонников родноверия) на популярных русскоязычных интернет-площадках – VK, YouTube, Яндекс. Дзен, Пикабу.

Для достижения цели мы использовали комплексную методику, включающую:

– метод функционально-семантического анализа, оптимальный для выявления и адекватной интерпретации формальных и содержательных аспектов родноверческих ИК;

– прагмасемантический метод, в основе которого находится концепция прагмасемантики как комплекса и интерфейса смыслообразования, устанавливающего связь между анализом содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования (см.: Золян, 2023; Тульчинский, 2022 и др.).

Речевая агрессия в родноверческом интернет-комментировании: мотивационный, формальный целевой аспекты

По нашим наблюдениям, среди современных отечественных исследователей нет единой точки зрения на содержание понятия РА. Так, данное явление может определяться как «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» (Кожина, 1999, с. 52), как проявление всех типов «*негативного или критического* отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» (Апресян, 2003, с. 32) и др. Это очевидным образом обуславливает и отсутствие единого взгляда на состав и иерархию экспликаторов рассматриваемого явления.

При изучении последнего мы считаем целесообразным придерживаться его определения П. Ю. Смирновым: РА – это «вербальное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой для данной речевой ситуации форме, а именно: в форме оскорбления, угрозы, сарказма и иронии в обидной форме, грубого требования либо обвинения» (2017, с. 36).

Необходимо сразу оговориться: само по себе применение родноверцами вербальной агрессии в сетевой коммуникации не является неким феноменом, характерным исключительно для данной группы: на весьма высокий уровень агрессивности в языковом пространстве Рунета обращают внимание многие ученые (см., напр.: Карабань, Дикарева, 2018; Иваненко, 2020). Более того, РА характерна и для его религиозной области (Краснобрижая, 2015; Попова, 2018; Подкина, 2020 и др.), где в крайних случаях она может являться элементом экстремистской деятельности (см.: (Никишин, 2019)).

РА в сетевой коммуникации родноверов имеет свою специфику. Как известно, родноверческий путь поиска «истинно русской духовности» предполагает жесткую конфронтацию с авраамическими религиозными системами, в первую очередь с православием (Кавыкин, 2007; Бесков, 2017; Пробст, 2023б). Активное и массовое тиражирование сторонниками родноверия различного рода мифов (Шнирельман, 2003; Шиженский, 2009; Бесков, 2022; Пробст, 2023а и др.) закономерно встречает неприятие со стороны научной общественности и ее сторонников среди простых обывателей, что, в свою очередь, расценивается многими родноверами как дискредитация их веры. Это создает устойчивый конфликтогенный коммуникативный фон, «искрой» в котором могут послужить любые инфоповоды (от поста в соцсетях до комментария под видео), включая изначально не присутствующие в проблемной для родноверов тематической плоскости. Все перечисленное обуславливает частотность и разнообразие применяемых в родноверческом интернет-комментировании речевых приемов и средств агрессивного характера.

Для родноверов основным триггером агрессивного речеповедения в ситуации сетевого общения посредством ИК является размещение медиаматериалов (постов, видеороликов, аудиофайлов и пр.) и комментариев к ним, содержащих:

- критику родноверия как религиозного и социокультурного явления. См.: «Что стоит за неоязычеством? (Выпуск 74. ТК «СПАС», 29.04.2023))» (YouTube), «Что такое “родноверие” для русского народа и почему его необходимо забыть?» (Дзен) и т.д.;

- научно-популярные или публицистические материалы, отражающие отличную от родноверческой (групповой или индивидуальной) точку зрения на ряд событий и явлений русской истории (история и быт дохристианской Руси, крещение Руси, правление Петра I и т.д.), а также противоречащие сопутствующим или идейно близким родноверию культурным и / или социально-политическим взглядам («альтернативно-исторической» мифологии, народной / неоязыческой этимологии, политическим акциям и т.д.). См.: «Русь языческая: что если бы крещение в X веке не состоялось?» (Дзен), «X Век. Князь Владимир. Крещение Руси. Русская История. Исторический Проект» (YouTube), «Слово “православие” означает “славить прав”?» (VK) и т.д.;

- критические или агрессивные высказывания в отношении родноверческих ИК и их авторов;

- различного рода экскурсы в историю, материальную культуру и символику русского язычества, напр.: «У древних славян не было колдовства. Или был?» (Дзен), «12 богов славянской мифологии и их удивительные силы» (Дзен) и т.д.; примечательно, что в этом случае настоящие «холовары» могут разворачиваться между самими неоязычниками, имеющими разные точки зрения на указанные явления;

- материалы, посвященные истории, актуальному состоянию, идейно-ценностным аспектам христианства (православия) и его институтов в нашей стране, напр.: «Что такое православие и чем оно отличается от христианства» (Дзен), «День Святой Троицы. В чем смысл этого праздника? Объясняют священники» (Дзен) и т.д.

Указанные триггеры могут запускать развернутые ветки обсуждения за счет множества ИК, создаваемых родноверами и их оппонентами и изначально имеющими выраженный конфликтный характер. В процессе подобного обмена мнениями родноверами применяется целый комплекс средств РА:

1. Оскорбления. Наиболее распространенный экспликатор РА (более 26,5 % объема собранного материала), позволяющий выразить негативное отношение к оппоненту, дестабилизировать его эмоциональное состояние, заставить отказаться от дальнейшего продолжения дискуссии. Речевой акт оскорбления реализуется посредством негативно окрашенных в семантическом отношении лексики и конструкций (идиоматических выражений, безличных предложений), которые можно дифференцировать по следующим признакам:

– когнитивная и интеллектуальная ущербность:

(1) *...У тебя нет мозгов (YouTube)²;*

(2) *Что ж ты урод, отождествляешь три имени Бога: Хорста, Велеса и Дажьдбога... Ведь эти произнесенные имена создают разный вид ВИБРАЦИЙ ЧУВЫРЛО ТУПОЕ (Дзен);*

– невежественность, недостаток образования:

(3) *VaVa-cjbrn: письменности [у славян] не было? ты это на факультете истории людям скажи (неуч)то что ты этим не интересуешься не значит что этого не существует (YouTube).*

– морально-нравственная ущербность:

(4) *user5448960: Автор, ну ты. удак (Пикабу);*

(5) *user-ue6pv2vx7n: Юроды, что баните мои комменты. Не нравится истина, боитесь баранов ваших уведу людей из них сделаю? (YouTube).*

Специфическая черта оскорбительной риторики родноверов – употребление лексических единиц, относящихся к семантическим полям «христианство» и «неславянская национальность», в устойчиво инвективном ключе (что связано с демонизацией соответствующих понятий в картине мира значительной части родноверов):

(6) *Вячеслав Копалов: тут христианутые на всю голову об пол лбами бьются... (YouTube);*

(7) *user-wz8vv6jt8e: Кто не язычник тот скот жидов (Дзен).*

2. Грубое требование. Данный речевой инструмент в повседневной бытовой коммуникации обычно служит для реализации императивных прагматических установок говорящего. В пространстве сетевой коммуникации этот прием, по своей семантической сути подразумевающий неравнозначность – по возрастному, интеллектуальному, экспертному и др. признакам – адресанта и адресата сообщения, расширяет свой функциональный диапазон и может использоваться для следующих целей (возможна их комбинация):

– прекращение диалога или изменение его тональности:

(8) *Татьяна Бондаренко: Сами просветитесь, а ваш сарказм засуньте в задний проход – я перед вами распинаться не собираюсь (Дзен);*

² Здесь и далее: авторские орфография и пунктуация сохранены.

(9) **ТОПОЛЬ • ЯЗЫЧЕСТВО • СЛАВЯНЕ:** • *Да да, а теперь п****й [= иди] обратно в степь манкурт (VK);*

– указание оппоненту на его некомпетентность в рассматриваемом вопросе:

(10) **Пользователь:** *Если ты не в курсе, то Славянские Боги откликаются тем кто к ним обращается. Отсюда и рост интереса к ним. Ты не лей дерьмо, а разберись в теме, тогда и пиши (Дзен);*

(11) **perdezH:** *Так что давай, славянофобик, не пускай слюни от своей узколобости а иди просвещайся (YouTube);*

– выражение пренебрежения к собеседнику:

(12) **oliaggood304:** *Слава Роду слава Предкам*

medvedeckov: *Как звали твоих языческих предков?*

oliaggood304: *@user-vi3ex6zo4o не твоего ума дело своих в израле узнай потом меня вопрошай (YouTube).*

В анализируемом нами материале доля рассматриваемых языковых репрезентантов РА – 15,5 %.

3. Упрек. Данный речевой инструмент связан с экспликацией «неодобрения к действиям и поступкам собеседника с целью воздействия на его эмоциональную сферу и стимулирования чувства вины / стыда» (Каразия, 2004, с. 7). С его помощью автор ИК не только транслирует негативную оценку речевых поступков других коммуникантов, но и дополняет формируемый инъективный смысл определенными коннотациями и – в идеале – усиливает эмоциональное воздействие на целевую аудиторию сообщения. Рассмотрим это подробнее на примере следующего ИК:

(13) **Сергей:** *Если вы всего этого не знаете, чтож вы людям головы морочите? Стыд вам и позор. Люди не в каменном веке сейчас, чтобы попов слушать и способны сами разбираться и искать истину (VK).*

Данным ИК его автор подытоживает цепочку развернутых комментариев, выстроенную в защиту популярного родноверческого лингвистического мифа о языческой этимологии слова «православие». Семантическая структура текста содержит утверждения: а) о некомпетентности оппонентов автора ИК в предмете дискуссии (*Если вы всего этого не знаете...*); б) об их идеологической («поповской») ангажированности (*Люди не в каменном веке сейчас, чтобы попов слушать...*). Эти утверждения создают базис для формирования негативной оценки поведения оппонентов (*Стыд вам и позор*) и для реализованного в рамках риторического вопроса (*чтож вы людям головы морочите?*) ключевого элемента сообщения – призыва к прекращению «дезинформации» читателей публика. Все перечисленные идейно-содержательные компоненты очевидным образом призваны воздействовать на эмоциональную сферу адресатов ИК, формируя у них чувство стыда за собственное невежество. Особого внимания при этом заслуживает следующий нюанс. В случае исследуемого инструмента РА «оценочный компонент может присутствовать, если упрек относится к адресату, который социально равен или социально ниже говорящего» (Пугачева, 2008, с. 136). В интернет-коммуникации выяснение личности и реального социального статуса

коммуникантов (часто заведомо не знакомых друг другу) обычно затруднительно. Следовательно, использование автором ИК подобного приема может быть либо результатом его оценки (возможно, некорректной) статуса оппонентов, либо сознательным шагом, направленным на закрепление и усиление доминантности своей коммуникативной позиции в глазах как собственно адресата («я осуждаю твои слова и поступки по праву более старшего / опытного / компетентного человека»), так и других участников общения. В контексте дискуссии, частью которой является исследуемый ИК, подобный прием может компенсировать слабые стороны аргументации автора ИК, представленной в других его текстах.

Таким образом, в контексте формирования в семантическом пространстве рассматриваемого ИК собственного инвективного смысла упрек: а) подчеркивает повторяющуюся мысль автора о ложности того фрагмента картины мира его оппонентов, который связан с этимологией понятия «православие»; б) несколько смещает фокус воздействия ИК, смещая его с сугубо негативной эмоциональной области (чувства соперничества, обиды и т.д.) на более «светлую», связанную с такими характеристиками оппонентов, как совесть, ответственность и т.д. Это делает рассматриваемый ИК более вариативным в достижении прагмакоммуникативных установок автора. Среди зафиксированных нами ИК высказывания со значением упрека составляют 8 %.

4. Обвинение. Этот речевой инструмент предназначен для указания реципиенту на неприемлемость (с точки зрения общепринятых морально-этических норм, правил этикета, здравого смысла и т.д.) его речевого поведения, прагматических и идейных установок, разделяемых ценностей и пр. Он «относится к типам речевых актов, которые способны вызывать обиду у слушающего, особенно в том случае... когда описательные высказывания, которые образуют конкретный речевой акт, ложны» (Бринев, 2011, с. 503), напр.:

(14) **user78095:** *Так скажи, неуч, почему у тебя такие двойные стандарты по отношению к копиям копий утраченных оригиналов? (YouTube).*

В рассмотренном примере посредством риторического вопроса *Почему у тебя такие двойные стандарты по отношению к копиям копий утраченных оригиналов?* комментатор обвиняет реципиента высказывания в пристрастном отношении к оценке подлинности источников (в данном случае — «Велесовой книги»³). В контексте диалога, посвященного проблеме фальсификации исторических источников, данная реплика служит частью стратегии аргументации, нацеленной на отстаивание тезиса о подлинности «Велесовой книги».

Сема обвинения может быть интегрирована в содержательную структуру ИК как вторичный компонент:

(15) **Орехов:** *Цитадель адекватна, начитались википедии? Не надо пудрить мозги молодому поколению. Итак они живут с лапшой на ушах (Дзен) — требование, содержащее обвинение в навязывании другим заведомо ложной точки зрения («запудривание мозгов»).*

³ «Велесова книга» внесена Министерством юстиции РФ в федеральный список экстремистских материалов. — *Примеч. ред.*

ИК со значением обвинения составляют 17 % зафиксированного материала.

5. Насмешка. Данный инструмент РА, по нашим наблюдениям, является одним из наиболее распространенных в родноверческом интернет-комментировании (23 % от общего числа зафиксированных примеров). Это вполне закономерно в условиях русскоязычной интернет-коммуникации, где юмористически ориентированная манера речевого поведения импонирует многим ее участникам (Трофимова, Барабаш, 2020, с. 89). В плане эмоционального воздействия на оппонента насмешка при ее грамотном использовании обладает большим воздействующим потенциалом, чем большинство рассмотренных выше средств РА: осмеяние «усиливает негативность оценки, усугубляет отрицательный эмоциональный фон высказывания, поскольку путем осмеяния говорящий не только принижает статус собеседника, но и выражает свое превосходство над ним» (Темиргазина, Бачурка, 2017, с. 55). Успешная насмешка может преобразовать рисунок коммуникации, нивелировав сильные стороны позиции оппонента и повысив привлекательность личности пишущего в глазах других участников коммуникации (особенно молодой аудитории). При этом насмешку можно назвать более сложным (по сравнению с тем же оскорблением или грубым требованием) инструментом речевой дискредитации, поскольку для его эффективного применения требуются определенные интеллектуальные способности и речевые навыки.

Насмешка активно используется и в конфликтной коммуникации родноверов, дополняя приводимые фактологические аргументы или восполняя их отсутствие, напр.:

(16) **Коммуникант 1:** *Язычество до крещения Руси идеализируют. Оно предполагало живодёрские жертвы богам,*

Коммуникант 2 (язычник): *Да что вы говорите? Живодёрские жертвы, надо же как? (Дзен).*

Конструкции, представленные в последнем ИК, по своему функционально-семантическому типу (в соответствии с классификацией, представленной в «Русской грамматике-1980») можно идентифицировать как вопросительные предложения вторичной функции: 1) *Да что вы говорите?* – вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего и в современном русском языке имеющий устойчивую ироническую окраску, связанную с выражением притворного удивления (в данном случае призванного подчеркнуть нелепость сказанного оппонентом); 2) *Живодёрские жертвы, надо же как?* – вопрос-уяснение с интенсивно выраженной семой насмешки, усиливающей отрицательный эмоциональный эффект предыдущей конструкции. Таким образом, содержание рассматриваемого ИК условно можно выразить фразой: «Какую чепуху вы столь категорично высказали». Содержание и тональность рассматриваемого ИК очевидным образом ориентированы на создание у его целевой аудитории уверенности в том, что: а) автор инициативного ИК высказал в корне неверную точку зрения; б) автор реактивного ИК располагает какими-то достоверными данными, убедительно опровергающими тезис его оппонента (отметим: в дальней-

шем автор исследуемого ИК не приводит каких-либо научно обоснованных аргументов своей позиции). Таким образом, рассматриваемый ИК опять же выступает в качестве своеобразного аргумента в защиту мифа о просвещенном характере славянского язычества (и косвенно — в защиту мифа о великой дохристианской культуре).

В исследуемом нами материале речевые акты насмешки, как правило, связаны с критикой интеллектуально-когнитивного потенциала, уровня образования адресата ИК, а также его компетентности в том или ином вопросе:

(17) **Санчес:** *Владимир, есть и не бреши!!!!!!!!!! Тебе это не доступно осознание... букварь осилил и орел?! Так не пойдет...))))* (Дзен);

(18) **И чё?:** *Всё смешалось, люди, кони, афтор иди учи уроки, пока мамка не увидела тебя за компьютером* (Дзен).

При этом насмешка, как и оскорбление, может и не быть частью аргументационной стратегии, а использоваться для выражения негативных эмоций автора ИК, вызванных конкретным медиатекстом.

Особое место в «насмешливой» риторике родноверов занимают конструкции со значением насмешки, применяемые в отношении их принципиальных противников — христиан (или тех, кого комментатор-родновер таковыми считает). Как правило, сема насмешки в содержательной структуре таких конструкций апеллирует к распространенным в нехристианской среде стереотипам о данной религии, напр.:

(19) **Pseudanimus:** *щечку подставить не забудь* (Пикабу) — директив, основанный на «обыгрывании» новозаветной заповеди о воздержании от агрессии в ее намеренно упрощенном понимании;

(20) **user-jo9zv5yobw:** *Дедушка* (интервьюируемый в видео профессор богословия. — Н.П.) *бредит и сочиняет сказки, наверно переел тела Христа и крови когорной перепил. Пусть себя осудит, начнёт с себя. Даздравствует Ведическая Русь! ...* (YouTube) — негативная оценка позиции интервьюируемого, подаваемая в контексте иронического связывания мотивации последнего с его активностью в отношении процедуры евхаристии (с акцентом на факте использования в ней алкоголя).

6. Негативно-экспрессивная оценка. Мы считаем возможным указать данный инструмент как один из заметных экспликаторов РА. Объектом критики в этом случае выступает не непосредственно автор, а его текст, при этом репрезентирующие данную критику лексические средства имеет выраженный негативно-экспрессивный и сниженно-просторечный характер:

(21) **Игорь Владимирович Ерофеев:** *Чушь полная* (про титульную статью) (Дзен);

(22) **Иван Панов:** *Статья говно многое вранье так от себя писал у нас гораздо лучше и интереснее все на самом деле есть и было* (Дзен);

(23) **Денис Кулешов:** *Фуфло Ане стотья* (VK).

Соответственно, в случае данного приема можно говорить о косвенной дискредитации самого автора оцениваемого материала, чьи компетентность или личные качества привели к созданию «некаче-

ственного» контента. Впрочем, нередко грубая критика последнего может без проблем комбинироваться с прямым осуждением его продуцента:

(24) **andry290:** *Трѐп неграмотного или лживого писаки. Род поставить на 4 место в пантеоне, а про Ладу-Матушку вовсе забыл. Пиши лучше библейские сказки, а про Светлое не надо* (Дзен).

В нашем случае доля данного приема в общем пуле средств РА составляет 8 %.

7. Злопожелания, то есть речевые акты, содержащие указание на желательность для адресата сообщения неких негативных событий в будущем. Такого рода конструкции в нашем исследовании представлены единичными случаями (2 %), напр.:

(25) **Otawa:** *Vlad, мерзко оскорблять свою историю и веру своих предков. <...> Вам же.. может рука, написавшая такое, отвалится* (Дзен).

Проанализированный нами материал позволяет заключить, что родноверы в русскоязычном сегменте сети Интернет применяют весьма обширный по составу и частотности употребления арсенал средств РА. При этом комплекс достигаемых с их помощью целей можно разделить на две категории — осознанные и неосознанные. К осознанному можно отнести условно «положительную» цель — утверждение истинности своей веры, защиту ее от критики «врагов» и «заблуждающихся», что связано с достижением таких задач, как дискредитация идеологии оппонента, вытеснение его из дискуссии, нивелирование сильных сторон его позиции; в этом случае речевые средства репрезентации агрессии становятся средством компенсации недостатка знаний комментатора-родновера или маскировки пробелов теоретической базы его учения.

При этом «защитная» интенция прямо или косвенно может сочетаться с интенцией условно «миссионерской». Как известно, целевая аудитория ИК не ограничивается заявленным / подразумеваемым в его тексте адресатом сообщения. В этом случае агрессивно окрашенный ИК привлекает внимание других пользователей, одновременно становясь вызовом прочим противникам родноверия и призывом для сторонников из числа единоверцев. Такой ИК может производить впечатление и на условно нейтральных читателей, у некоторых из которых он может создавать: а) иллюзию наличия у автора ИК каких-то особых «тайных» знаний, привлекательных индивидуально-личностных качеств (уверенности в себе и своей идее, чувстве юмора и т. д.); б) ощущение слабости и недостаточности позиций его идейных оппонентов. В этом случае агрессивный ИК будет средством не только подавления идейных оппонентов родноверия, но и привлечения новых членов данного сообщества.

Неосознанные цели продуцирования агрессивных ИК в случае родноверов стандартны для сетевого речеповедения: реализация личных амбиций, развлечение, психологическая компенсация и т. п. Здесь стоит сделать небольшую оговорку: констатируя неосознанность подобных целей, мы не имеем в виду их абсолютную имплицитность для

самих авторов ИК. То есть часть последних вполне способна осознавать и принимать подобную «скрытую» мотивацию их комментаторской деятельности. Вместе с тем мы считаем возможным включить в список рассматриваемых целей еще одну, которую можно назвать истинно неосознаваемой комментаторами-родноверами, — самоубеждение. В этом случае агрессия по отношению к другим коммуникантам — актерам иных ценностно-регулятивных систем — выступает своего рода психологическим блокатором, призванным защитить целостность родноверческой картины мира в сознании ее непосредственного носителя.

Разумеется, указанные цели имеют разную степень представленности, доминантности и комбинаторности в случае каждого комментатора-родновера, а также в конкретной ситуации сетевого общения. Однако массовая реализация подобных целевых комплексов посредством средств РА в самых разных секторах Рунета приводит к интересному результату: в сознании русскоязычных интернет-пользователей укрепляется образ родноверия как крупного и мотивированного сообщества «национально мыслящих» (по определению одного из «вождей» движения Ю. Казакова) людей, способных и готовых к активному отстаиванию своей позиции. Конфликты, создаваемые в ходе столкновений представителей этого сообщества с носителями иного мировоззрения, по сути, выступают еще одним средством привлечения общественного внимания к данному движению; при этом происходит, с одной стороны, консолидация носителей рассматриваемой картины мира, создание у них ощущения сопричастности делу «священной войны» во имя «истинной веры», с другой — привлечение новых адептов. Таким образом, РА парадоксальным образом используется как средство продвижения родноверческой идеологии.

Заключение

В общих чертах состав, частотность и характер применения в сетевой коммуникации инструментария РА родноверами обусловлены комплексом следующих факторов:

1. Социокультурные факторы коммуникации, детерминированные актуальными ориентирами и тенденциями в области сетевого коммуникативного поведения носителей языка. Эти факторы можно условно разделить на национальные (особенности речевого поведения, обусловленные национальным менталитетом), групповые (характерные для определенной социальной группы) и индивидуальные (присущие конкретному человеку).

2. Психофизиологические факторы, связанные с устойчивыми и временными особенностями психики и физиологии актора агрессивного речеповедения.

3. Идеологические факторы, связанные с набором идейных установок, разделяемых актерами конкретной ценностно-регулятивной си-

стемой (в случае родноверов – борьба с реальными и мнимыми врагами «славянства» в историческом и, главное, современном культурно-политическом поле).

Триггерами РА для родноверов в пространстве интернет-комментирования выступают следующие действия:

- критика родноверия как религиозного и социокультурного явления;
- научно-популярные или публицистические материалы, опровергающие значимые аспекты родноверческой или близкой ей картине мира либо противоречащие ей;
- критические или агрессивные высказывания в отношении родноверческих ИК и их авторов;
- тексты (в том числе и создаваемые другими родноверами), связанные с описанием истории, материальной культуры и символики русского язычества;
- материалы, посвященные истории, актуальному состоянию, идейно-ценностным аспектам христианства (православия) и его институтов в нашей стране и т. д.

К числу распространенных средств речевой агрессии, применяемых родноверами – авторами ИК, относятся: 1) оскорбления; 2) грубое требование; 3) упрек; 4) обвинение; 5) насмешка; 6) негативно-экспрессивная оценка.

В качестве отличительной черты содержательного плана применяемых родноверами языковых средств репрезентации РА выступает их частая маркированность по дискриминационному признаку (в отношении конкретных этнических и конфессиональных групп).

Цели применения указанных средств РА можно условно разделить на осознанные (связанные с сознательным продвижением своей модели идентичности за счет интенсивного вербального воздействия на идеологических оппонентов) и неосознанные (реализация личных амбиций, развлечение, психологическая компенсация и пр.). При этом главной среди неосознанных целей применения инструментария РА родноверами мы видим самоубеждение, то есть речевое нападение на чужую точку зрения и ее носителей выступает как своеобразное средство психологической защиты, нацеленное на сохранение целостности собственной картины мира в глазах самого родновера.

Массовая реализация подобных целевых комплексов посредством средств РА в самых разных секторах Рунета приводит к привлечению внимания других пользователей к идеологии родноверов, а в отдельных случаях даже способствует проявлению сочувствия к данной идеологии. Таким образом, РА выступает как средство продвижения родноверческой идеологии, которая, в силу спорности своих идейных оснований и выраженно деконсолидирующего в социальном отношении характера, парадоксальным для самих родноверов образом превращается в один из потенциально мощных инструментов информационной войны, направленной против современной России.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» (<https://rscf.ru/project/22-18-00591>) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, Калининград.

Список литературы

Абдуллина Л. Р. Интернет-комментарии как отражение национального мировосприятия (на материале французского и русского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2016. №1. С. 5–6.

Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог-2003». М., 2003. С. 32–35.

Ашуркова Т. Г. Понятие агрессии в русской языковой картине мира XX – начала XXI столетия // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2009. №3. С. 86–94.

Бесков А. А. Причины возникновения феномена русского неоязычества // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 169–179.

Бесков А. А. Противоречивые образы прошлого в российском информационном пространстве как фактор фрагментации массового исторического сознания // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. Челябинск, 2022. С. 179–183.

Бринев К. И. Оскорбление и обвинение // Юрислингвистика. 2011. №1 (11). С. 502–504.

Золян С. Т. Семиозис как диалог между квази-разумами: о незавершенном замысле Чарльза Пирса // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент. М., 2023. С. 40–50.

Иваненко Г. С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности. Юрислингвистика. 2020. №18 (29). С. 21–25. doi: 10.14258/leglin(2020)1805.

Кавыкин О. И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007.

Карабань Н. А., Дикарева А. В. Речевая агрессия в интернет-общении // Филология: научные исследования. 2018. №2. С. 1–8. doi: 10.7256/2454–0749.2018.2.25581.

Каразия Н. А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004.

Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. 1999. №2. С. 52–61.

Краснобрижая А. Речевая агрессия как характеристика религиозного контента современной русскоязычной интернет-коммуникации // Таврический научный обозреватель. 2015. №5-2. С. 66–68.

Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика. М., 2019.

Подкина Ю. В. Речевая агрессия в текстах на религиозную тему в современных социальных сетях // Человек в информационном пространстве : сб. науч. ст. / под общ. ред. Т. П. Курановой. Ярославль, 2020. С. 158–161.

Попова А. А. Влияние речевой агрессии в средствах массовой коммуникации на отношение к религии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. №4 (229). С. 190–195.

Пробст Н. А. Прагмасемантическая деформация идентичности родноверами: фейк в альтернативной картине истории // Политическая наука. 2023а. №3. С. 170–189. doi: 10.31249/poln/2023.03.08.

Пробст Н. А. Коловрат против креста: конфликтная коммуникация между сторонниками неоязычества и православия в интернет-дискурсе // Вестник культурологии. 2023б. №2 (105). С. 215–228. doi: 10.31249/hoc/2023.02.12.

Пугачева О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №3. С. 134–139.

Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. №6. С. 87–103.

Смирнов П. Ю. Языковые средства выражения речевой агрессии в интернет-коммуникации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2017. №14 (263). С. 34–42.

Стексова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. №3 (45). С. 77–81.

Темиргазина З. К., Бачурка М. С. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. №1 (15). С. 51–57. doi: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57.

Трофимова Г. Н., Барабаш В. В. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации). М., 2020.

Тульчинский Г. Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностно-регулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. 2022. №6. С. 9–23. doi: 10.17586/2541-979X-2022-6-09-23.

Шиженский Р. В. Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. №6. С. 250–256.

Шнирельман В. А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. №4. С. 3–14.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М., 2008.

Об авторе

Никита Артурович Пробст, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

Для цитирования:

Пробст Н. А. Речевая агрессия как инструмент защиты и продвижения неоязыческого мировоззрения (на примере родноверия) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 55–71. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4.

SPEECH AGGRESSION AS A MEANS OF PRESERVING
AND PROMOTING THE NEO-PAGAN WORLDVIEW:
THE CASE OF RODNOVERIE

Nikita A. Probst

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 17.03.2024

Accepted on 25.05.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4

The role of verbal aggression in the promotion of specific value-regulatory systems, particularly those of a religious nature, has not been extensively explored in contemporary scholarship. This study aims to investigate the mechanisms by which verbal aggression is produced and employed as a means of preserving and advancing the Rodnoverie ideology within the Russian-speaking segment of the Internet. To achieve this, a comprehensive methodology is employed, incorporating both functional-semantic and pragma-semantic approaches. The study identifies the motives and conditions under which verbal aggression tends to arise in online discourse. Key speech acts that manifest this aggression – such as insults, rude demands, reproach, accusations, mockery, negative evaluations, and ill-wishing – are analysed, with hypotheses offered regarding their function and frequency. Furthermore, the study elucidates the composition and nature of the primary goals behind the aggressive speech behaviour of Rodnoverie adherents.

Keywords: *speech aggression, conflict communication, speech act, discrediting, identity model, rodnoverie*

Acknowledgement. *The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00591 “Pragmasemantics as an Interface and Operational System of Meaning Production” carried out at the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>.*

References

Abdullina, L. R., 2016. Internet comments as a reflection of national worldview (based on the material of French and Russian languages). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 1, pp. 5–6 (in Russ.).

Apresyan, V. Yu., 2003. The Implicit aggression in language. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoy konferencii “Dialog-2003”* [Computational Linguistics and Intellectual technologies: proceedings of the International Conference “Dialog-2003”]. Moscow, pp. 32–35 (in Russ.).

Ashurkova, T. G., 2009. The notion of aggression in the XX – early XXI century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 3, pp. 86–94 (in Russ.).

Beskov, A. A., 2017. Causes of Russian Neo-Paganism. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 21, pp. 169–179 (in Russ.).

Beskov, A. A., 2022. Contradictory images of the past in the Russian information space as a factor of fragmentation of mass historical consciousness. In: R. A. Badikov,

ed. *Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii: mezhdru traditsiei i novoi real'nost'yu* [Fortunes of national cultures in globalization context: between tradition and the new reality]. Chelyabinsk, pp. 179–183 (in Russ.).

Brinev, K.I., 2011. Insult and accusation. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], 1 (11), pp. 502–504 (in Russ.).

Ivanenko, G.S., 2020. Communication in social networks: factors of potential conflicts. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], 18 (29), pp. 21–25, [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1805](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1805) (in Russ.).

Karaban', N.A. and Dikareva, A.V., 2018. Verbal Aggression in Internet Communication. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific researches], 2, pp. 1–8, <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.2.25581> (in Russ.).

Karaziya, N.A., 2004. *Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upreka v kontekste sovremennoi amerikanskoi rechevoi kul'tury* [A Pragmalinguistic study of the Act of Rebuke in the context of modern American Speech culture]. PhD Dissertation. Petropavlovsk-Kamchatsky, 214 p. (in Russ.).

Kavykin, O.I., 2007. «Rodnoveriy». *Samoidentifikatsiya neoyazychnikov v sovremennoi Rossii* [“Rodnovers”. Self-identification of neo-pagans in modern Russia.]. Moscow, 232 p. (in Russ.).

Kozhina, M.N., 1999. Speech genre and speech act (some aspects of the problem). *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2, pp. 52–61 (in Russ.).

Krasnobrizhaya, A., 2015. Speech aggression as a characteristic of the religious content of modern Russian-language Internet communication. *Tavricheskii nauchnyi obozreovatel'* [The Tauride Scientific Observer], 5–2, pp. 66–68 (in Russ.).

Nikishin, V.D., 2019. *Slovesnyi religiozniy ekstremizm. Pravovaya kvalifikatsiya. Ekspertiza. Sudebnaya praktika* [Verbal religious extremism. Legal qualification. Expertise. Judicial practice.]. Moscow, 240 p. (in Russ.).

Podkina, Yu.V., 2020. Speech aggression in religious texts in modern social networks. In: T.P. Kuranova, ed. *Chelovek v informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei* [Man in the information space: a collection of scientific articles]. Yaroslavl, pp. 158–161 (in Russ.).

Popova A.A., 2018. Influence of speech aggression in mass media on the attitude to religion. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya «Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University, the series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”], 4 (229), pp. 190–195 (in Russ.).

Probst, N.A., 2023a. Pragmasemantic deformation of the identity by rodnovers: fake in the alternative historical picture. *Politicheskaya nauka* [Political science (RU)], 3, pp. 170–189, <https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.08> (in Russ.).

Probst, N.A., 2023b. The Colovrat vs the Cross: conflict communication between neopagans and orthodoxies in internet-discourse. *Vestnik kul'turologii* [Herald of culturology], 2 (105), pp. 215–228, <https://doi.org/10.31249/hoc/2023.02.12> (in Russ.).

Pugacheva, O.V., 2008. Communicative polarity of reproach and praising yourself speech acts and means of their explication. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 3, pp. 134–139 (in Russ.).

Sedov, K.F., 2005. Aggression and manipulation in everyday communication. *Yurilingvistika* [Legal Linguistics], 6, pp. 87–103 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu.V., 2008. *Verbal'naya agressiya* [Verbal Aggression]. Moscow (in Russ.).

Shizhensky, R.V., 2009. Neo-pagan myth of Vladimir. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Buryat State University], 6, pp. 250–256 (in Russ.).

Shnirel'man, V.A., 2003. Ethnogenesis and identity: nationalist mythologies in contemporary Russia. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4, pp. 3–14 (in Russ.).

Smirnov, P. Yu., 2017. Language means of hostile rhetoric expressions in the communications networking. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University scientific bulletin. Humanities], 14 (263), pp. 34–42 (in Russ.).

Steksova, T.I., 2013. Verbal aggression in internet comments as manifestation of social tension. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (45), pp. 77–81 (in Russ.).

Temirgazina, Z.K. and Bachurka, M.S., 2017. Speech Acts of Aggressive Character in the Pedagogical Discourse. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 1 (15), pp. 51–57, <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-51-57> (in Russ.).

Trofimova, G.N. and Barabash, V.V., 2020. *Yazykovoe posleokusie internet-epokhi v Rossii: effekt bumeranga (aktual'nye protsessy v russkoyazychnoi tsifrovoi mediakommunikatsii)* [The Linguistic aftertaste of the Internet Age in Russia: the Boomerang effect (current processes in Russian-language digital media communication)]. Moscow, 273 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2022. Pragmasemantics of Digital Communications: Semantic Worldviews, Value-Regulatory Systems and Responsibility. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede* [State and Citizens in the Electronic Environment], 6, pp. 9–23, <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2022-6-09-23> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023. Semiosis as a dialogue between quasi-minds: on Charles Peirce's unfinished project. In: I.V. Zykova, ed. *Diskurs i yazyk v epokhu «bol'shikh daniykh»: Variativnost', kreativnost', eksperiment* [Discourse and language in the era of "big Data": Variability, creativity, experiment]. Moscow, 368 p. (in Russ.).

The author

Dr. Nikita A. Probst, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

To cite this article:

Probst, N.A., 2024, Speech aggression as a means of preserving and promoting the Neo-pagan worldview: the case of *Rodnoverie*, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 55–71. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-4.

